

Методология исследования идеологии в школе «автоматического анализа дискурса» М. Пешё¹

Бурсевич В. В.

В статье анализируется методология исследования идеологии, предложенная французской школой «автоматического анализа дискурса». Автор демонстрирует глубинную связь идей сторонников М. Пешё с идеями об идеологической интерпелляции субъекта Л. Альтюссера.

Ключевые слова: идеология, дискурс, дискурс-анализ, интердискурсивность, субъект, интерпелляция.

The article is devoted to analysis of methodology of ideology investigation, that was developed by French school of “automatic discourse-analysis”. The author demonstrates the deep links between the ideas of M. Pecheux and his followers and the ideas of L. Althusser about interpellation of subject.

Key words: ideology, discourse, discourse-analysis, interdiscourse, subject, interpellation.

В 1960-е гг. в социальной и политической жизни Европы начинаются значительные изменения. Происходит окончательное разделение частной и публичной сферы, активизируются новые социальные движения, которые выдвигают требования равенства для социальных меньшинств. К. Лефор отмечает произошедшую в 20 веке новую «демократическую революцию». Повышается интерес к феномену идентичности в связи с проблемой сохранения национальной и культурной идентичности в контексте процессов глобализации. Одновременно с демократизацией и диверсификацией культурных идентичностей остро ставится проблема появления новых форм скрытого подавления.

Кроме того, начиная с послевоенного периода, когда происходит либерализация политического пространства и децентрация власти, сопровождавшиеся бурным развитием технических средств коммуникации и массмедиа, перед исследователями встает вопрос о влиянии социальных коммуникаций на формирование субъекта, т.е. об идеологическом

---

¹ Бурсевич, В.В. Методология исследования идеологии в школе «автоматического анализа дискурса» М. Пешё/ В.В. Бурсевич // Социальная онтология в структурах теоретического знания: Материалы VII Международной научно-практической конференции 1 октября 2015 года / Под общ. ред. О. Н. Бушмакиной, Н. Б. Поляковой. — Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. – С. 10-17.

воздействию средств информации. Наконец, сам процесс субъективации становится объектом маркетизации, отработанных пиар- и рекламных технологий по манипулированию обывателем консьюмеристского общества.

Происходящие в социуме изменения немедленно становятся объектом внимания со стороны интеллектуалов из различных областей знания. Но поскольку новые социальные проблемы являются многосторонними и касаются коммуникации, языка, власти, идеологии, идентичности, наиболее плодотворные программы по их исследованию зарождаются на стыке различных дисциплин, т.е. в междисциплинарной сфере. Одним из подобных направлений становится дискурс-анализ, его представители, соединяя методологию лингвистики и категориальный аппарат философии, социологии и других гуманитарных наук, нацелены на исследование особенностей конструирования значений в конкретных социальных практиках. При этом функционирование языка связывается с социальной дифференциацией и механизмами власти. Ставя цель исследовать, как социальные позиции и отношения влияют на языковые практики, дискурс-анализ в качестве одной из главных проблем рассматривает механизм взаимодействия идеологии и языка, понимаемого как дискурс. В сравнении с философской семиотикой, ограниченной исследованием устойчивых структур, кодов, дискурс-анализ делает акцент не на структуре, но на процессе, т.е. на самих этапах производства и восприятия идеологического дискурса. Так с начала 1970-х гг. «лингвистический поворот» превращается в «дискурсивный».

Французская школа дискурс-анализа, или школа «автоматического анализа дискурса», зародилась с выходом в свет работы М. Пешё «Автоматический анализ дискурса» в 1969 г., а его последователями считаются Р. Робен, К. Арош, П. Анри, К. Фукс, П. Серио. Идеи, высказываемые представителями школы, произвели в свое время эффект разорвавшейся бомбы и по своему потенциалу могут быть сравнимы с идеями таких исследователей, как М. Фуко или Ж. Деррида, они породили многочисленных последователей, особенно в Латинской Америке (Э. Пульчинелли-Орланди) в

связи с изучением дискурсивных аспектов формирования идентичности в постколониальных странах. Тем не менее, в отечественном и, шире, русскоязычном пространстве эти имена известны не слишком широкому кругу исследователей.

Толчком для исследовательской работы М.Пешё послужила статья З. Харриса «Анализ дискурса» (1952), переведенная на французский в 1969, в которой З. Харрис в качестве основной единицы анализа выбирает единичный текст. М. Пешё, напротив, предполагает, что анализ смысла подразумевает воссоздание целого архива, корпуса текстов, соответствующих определенным условиям производства. «Харрис отмечает методологически привилегированную важность ... обращаться к тексту как к его единственному словарю, в то время как с той перспективы, которую мы признаем, ... это корпус, который играет роль автословаря», – пишет М. Пешё [6. С. 238].

Книга М. Пешё «Автоматический анализ дискурса» критикует гуманитарные дисциплины, основанные на понятии субъекта, ему противопоставляется новая стратегия чтения, «машина для чтения», освобождающая чтение от субъекта. «М. Пешё главным образом оспаривает право называть наукой дисциплины, которые, будучи сосредоточены на психологическом субъекте, не признают или не хотят признавать их связи с идеологией», – отмечает П. Серио [1. С. 35]. В том же 1969 г. выходит и работа М. Фуко «Археология знания», в которой первичное место занимает проблема дискурса. Сложно говорить, об однозначном влиянии, хотя М. Пешё и заимствует у М. Фуко понятие «дискурсивной формации». Скорее, сама идея «дискурса» уже в достаточной степени назрела в интеллектуальных кругах, поэтому вопрос о лидерстве не имеет первостепенного значения. Тем не менее, существенным отличием идеи М. Фуко является то, что он не стремится найти за поверхностью дискурса никакой скрытой реальности, в отличие от М. Пешё, для которого главное – обнаружить фундирующие дискурс идеологии.

Поскольку в случае дискурс-анализа мы имеем дело с междисциплинарным направлением, в его исследовательском поле

преломляются и сплетаются воедино методология лингвистики, истории, философии и других социальных наук. На методологию французской школы анализа дискурса повлияли сразу три влиятельных философских традиции: марксизм, психоанализ и семиотика, о чем свидетельствует название ранней работы М. Пешё «Тройственное согласие: Маркс, Фрейд и Соссюр» (1964).

У Ф. де Соссюра исследователи заимствуют идею о превалировании значимости над значением [З. С. 114], основывая на ней собственную концепцию дискурсивной семантики. В статье «Семантика и соссюровский перелом: язык, речевая деятельность, речь» (1971) М. Пешё, К. Арош и П. Анри отмечают, что необходимо избегать заблуждения трактовать дискурс как аналог «речи», поскольку у Ф. де Соссюра она основывается на принципе свободы субъекта высказывания. Исследователи подвергают сомнению соссюровскую дихотомию языка и речи, ведь последняя всегда включает не только случайные, но и системные элементы. Таким образом, дискурс-анализ в противоположность двум разнонаправленным тенденциям к исследованию формальной или прагматической стороны языка, пытается найти компромисс и реализовать двойственный подход к языку, вводя понятие дискурса.

Влияние марксистской традиции на школу «автоматического анализа дискурса» происходило главным образом посредством философии Л. Альтюссера. Статья французского философа «Идеология и государственные идеологические аппараты» (1970) оказала огромное влияние на понимание М. Пешё феномена идеологии. Пытаясь избежать недостатков марксистского учения, Л. Альтюссер вводит понятие «воспроизводства условий производства», которое позволяет осознать тот факт, что любая общественная формация должна постоянно воспроизводить, как лежащие в ее основе производительные силы, так и производственные отношения. В некотором смысле утверждение, что материальное производство определяет сознание, оказывается у Л. Альтюссера перевернутым, поскольку для своего существования определенным образом экономического производства предполагает наличие ментальных условий, индивидов, которые

воспринимают его как данность. В качестве механизмов воспроизводства Л. Альтюссер видит Репрессивный государственный аппарат, включающий армию, суды, тюрьмы, и Идеологические государственные аппараты, которые посредством религии, образования, выполняют функции скрытого принуждения.

Понятие «идеология» Л. Альтюссер рассматривает в негативных категориях. Во-первых, идеология есть нечто воображаемое, лишенное статуса реальности. Во-вторых, идеология как чистая иллюзия не имеет истории, ее история – это история конкретных индивидов, создающих ее, но при этом оказывается и всеисторичной, поскольку присутствует в любом общественном устройстве, где имеют место социальные противоречия. Таким образом, согласно Л. Альтюссеру: «Идеология представляет воображаемые отношения индивидов к их реальным условиям существования» [5. С. 36]. Однако идеология обладает и определенного рода материальностью. Индивиды оказываются причастны идеологии, не столько разделяя некую систему взглядов, но выполняя перечень бессознательных повседневных практик.

Французская школа дискурс-анализа воспринимает подобный интерес к идеологии и проблеме власти, и главным объектом ее исследования становится не дискурс как таковой, но отношения между языком и идеологией, идеологические основы любого дискурса. М. Пешё в работе «Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия» (1975) разделяет понятия «Идеология», «идеологическая формация», «господствующая идеология» и «идеологический аппарат». «Идеология» с большой буквы – это идеология как внеисторическая структура, наличествующая на любом этапе истории. Такое понимание идеологии предполагает понятие человека как «идеологического животного» [5. С. 45]. В каком-то смысле «Идеология» тождественна бессознательному. Однако идеология как всеобщая склонность выражается, по мнению М. Пешё, в виде конкретных «идеологических формаций», т.е. совокупности позиций и репрезентаций, системы, легитимирующей неравенство в рамках общественной формации. Понятие

«идеологических аппаратов» означает совокупность тех механизмов, благодаря которым идеология господствующего класса становится «господствующей идеологией».

По мнению представителей французского дискурс-анализа, отмеченная Л. Альтюссером материальность идеологии проявляется в первую очередь в ее представленности в языке. «Одной из составляющих определяемых таким образом идеологических формаций обязательно являются одна или несколько дискурсивных формаций, которые определяют, что может быть и что должно быть сказано... с определенной позиции в данных обстоятельствах» [1. С. 107]. Таким образом, будучи элементом идеологической формации, дискурс участвует в поддержании условий производства на каждом этапе развития общества. Кроме того, выделение дискурсивных формаций внутри идеологической означает наличие и недискурсивных идеологических элементов в ней, которые могут влиять на дискурсивные.

Однако работа дискурс-анализа выстраивается не только в соответствии с тезисом Л. Альтюссера о том, что «нет, практики, кроме той, которая осуществляется посредством известной идеологии и под ее руководством» [5. С. 44]. Огромное значение для методологии дискурсивного анализа оказывается и другой тезис Л. Альтюссера о том, что «нет идеологии, кроме той, которая создается субъектом и для субъектов» [5. С. 44]. Французская школа дискурс-анализа заимствует у Л. Альтюссера указание на параллель между иллюзией существования субъекта и иллюзией прозрачности языка.

Здесь необходимо подробнее остановиться на идее Л. Альтюссера о «субъекте-эффекте». Л. Альтюссер отмечает характерную для философии и науки «фетишизацию» идеи субъекта и человека. По мнению мыслителя, «"Человек" – это миф буржуазной идеологии» [5. С. 85]. Французский философ вскрывает функции идеологии для воспроизводства общества. Важнейшей характеристикой идеологии оказывается то, что она функционирует посредством превращения индивидов в субъекты, наделенные особыми априорными качествами, позволяющими им занять уже имеющиеся

места в социальной стратификации. «Идеология действует или функционирует таким образом, что “призывает” субъектов среди индивидов (она “призывает” их всех), или “преобразует” индивидов в субъекты (“преобразует” их всех) с помощью той точной операции, которую я назвал окликание или интерпелляция [interpellation]» [5. С. 47-48], – пишет Л. Альтюссер. Иными словами, идеология является механизмом, навязывающим идентичность.

Демонстрация Л. Альтюссером укорененности привычного понятия субъекта в идеологических механизмах дает толчок представителям дискурс-анализа попытаться перенести эти идеи на почву лингвистики. Проводится параллель между очевидностью формирования субъекта и смысла. Рецепция идей Л. Альтюссера выражается в двух тезисах. Во-первых, смысл слов не образуется сам собой, но только в рамках определенной дискурсивной формации. Дискурсивная формация устанавливает своего рода «сферы смысла», точки стабилизации, определяющие, что субъект может говорить, понимать, делать. Это значит, что говорящие субъекты окликнуты своими дискурсивными формациями, не являются источниками смысла своих слов. Цель исследователя поэтому – определить ту позицию, из которой может звучать данное высказывание вне зависимости от авторства. Идея о дискурсе как «процессе без субъекта и целей» [5. С. 133] оказывается ведущей в это время во Франции, стоит упомянуть лишь идею о «смерти автора» Р. Барта или высказывание М. Фуко об авторе как простом «принципе группировки дискурсов» [4. С. 63]. Во-вторых, возможности говорения в дискурсивной формации, в свою очередь, детерминированы особенностями идеологической формации, которая к тому же нацелена на затемнение истоков смысла. Кажущаяся прозрачность языка призвана скрывать материальную сторону смысла, т.е. то, что смысл формируется под воздействием идеологии.

В школе М. Пешё вокруг понятия «дискурс» создается развернутая система категорий. С одной стороны, это «интердискурс» как совокупность разных дискурсивных формаций с некой доминантой в рамках определенной

идеологической формации. Ж.-Ж. Куртин определяет «интердискурс» как «серию формулировок, вытекающих из различных и оторванных друг от друга высказываний, объединяемых между собой в определенные лингвистические формы (эти формы обладают взаимоцитированностью, взаимоповторяемостью, взаимопарафразированием...)» [1. С. 99]. Введение данного понятия подчеркивает, что, как тождественность Я всегда задана неким Другим, так и смысл образуется в соотношении с чем-то иным. Элементы «интердискурса» функционируют на основе преконструкта и стыковки. Понятие «преконструкта» призвано отразить тот, факт, что «текст, будь он письменный или устный, никогда не имеет абсолютного начала» [1. С. 197]. Дискурс – это пересечение парафраз, «прописных» истин.

В свою очередь, «интрадискурс» – это функционирование дискурса по отношению к самому себе, внутренность дискурса, которая, тем не менее, полностью определяется извне. При этом субъект дискурса всегда стремится растворить «интердискурс» в «интрадискурсе», представив его как то, что уже сказано, хотя интердискурсивность задает сами возможности говорения.

Таким образом, особенностью дискурс-анализа школы М. Пешё оказывается стремление избавиться от иллюзии субъекта дискурса, воображающего себя источником своей речи. Поэтому задачей дискурс-анализа является обнаружение следов дискурсивного процесса. Для подлинного понимания смысла дискурса необходим не субъект, но реконструкция целостной дискурсивной формации, в которой он только и может быть порожден. Методологию французского дискурс-анализа можно назвать «несубъективным анализом эффектов смысла» [1. С. 113].

Поскольку школа «автоматического анализа дискурса» глубоко связана с концепцией Л. Альтюссера, предъявляемая ему критика в некоторой степени может быть адресована и дискурс-анализу. В частности, если субъект является производным идеологической и дискурсивной формаций, откуда тогда могут появляться любые отклонения от правил организации дискурсивной

формации, не упоминая уже революционное творчество по ее преобразованию.

Иногда представителям школы ставят в упрек структуралистскую ориентацию, вплоть до построения таблиц, анализируемых компьютерными программами на раннем этапе творчества. Тем не менее, в дальнейшем они ориентируются на включение в методологию понятия о гетерогенности любого дискурса, основанного на механизмах интертекстуальности, преконструкта и парафразы. Так, например, Дж. Томпсон, как слабость дискурс-анализа в качестве методологии анализа текста упоминает уже то, что его результаты «не говорят сами за себя», но должны быть интерпретированы» [6. С. 251].

Хотя дискурс-анализ М. Пешё и основывается на теории Л. Альтюссера, в плане исследования идеологии он предлагает более взвешенный подход. Л. Альтюссер, начиная с понятия «сверхдетерминации», с провозглашения идеологии в качестве «спонтанного жизненного опыта» [5. С. 175], постепенно приходит к характерной для критической традиции идее: идеологию он противопоставляет науке как особому бессубъектному дискурсу, способному избежать идеологического влияния. В этом отношении дискурс-анализ представляет собой более развитый подход. Оба решения вопроса о возможности избежать идеологического воздействия критикуются школой как несостоятельные: во-первых, выход субъекта из идеологии в науку, т.е. якобы к самим вещам, во-вторых – признание того, что наука «самая удобная идеология». Оба решения опираются на разделение точки зрения науки и точки зрения идеологии, однако само понятие «точки зрения» предполагает понятие «субъекта», которое, как уже отмечалось, есть идеологический эффект. Потому наиболее оптимальным решением, по мнению представителей школы, является не попытка противопоставить идеологии нечто иное, но исследование не человека, не субъекта, не деятельности, но идеологических условий воспроизводства/ трансформации отношений производства.

Дискурс-анализ, таким образом, оказывается включенным в эпистемологическую проблематику, поскольку поднимает вопрос о связи производства знания с механизмами власти, развенчивает миф об идеологической нейтральности науки. Главным достижением дискурс-анализа является отказ от попыток противопоставить идеологически детерминированному языку некий идеальный, прозрачный язык. Представители дискурс-анализа отлично понимают: чистый язык является недостижимым мифом, поскольку даже исследователь детерминирован собственным дискурсом и идеологией. Их цель – «изучение функционирования дискурса в данном обществе, основывающееся на признании идеологически детерминированного характера установления референции слов» [2. С. 100]. Исследователей интересуют механизмы, посредством которых идеологии вовлекаются в производство речи и отражаются на разных уровнях текста, влияя на выбор лингвистических средств и тем, составляющих каркас дискурса. Они нацелены на демонстрацию того, как очевидное для субъекта определяется особенностями идеологических формаций.

Анализ идеологического дискурса в школе М. Пешё основан на следующих методологических презумпциях:

а) разделение дискурсивного и недискурсивного уровней реальности, т.е. дискурсивной и идеологической формации, влияющих друг на друга;

б) принцип непрозрачности, идеологической детерминированности значений в дискурсе;

в) принцип интердискурсивности, гетерогенности и открытости дискурса;

г) акцент на историчность, т.е. рассмотрение элемента дискурса в контексте целостного развития всего корпуса текстов дискурсивной формации;

д) дискурсивная семантика, исключая понятие референта и субъекта, в которой смысл понимается как осадок происходящих в дискурсе процессов.

Отталкиваясь от «критического» понятия идеологии Л. Альтюссера, представители школы постепенно приходят к осознанию идеологии как определенного способа интерпретации смысла. Как пишет Э. Пульчинелли-Орланди: «Она имеет отношение не к недостатку, а к избытку, представляет собой заполнение, насыщение, полноту, которая дает эффект очевидности» [1. С. 209]. Таким образом, анализ направлен не на нивелирование идеологии, но на исследование самого смысла как идеологического эффекта.

Список литературы

1. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Предисл. Ю. С. Степанов. М.: Изд. группа «Прогресс», 1999. 413 с.
2. Серио П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. С. 83-100.
3. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Магистериум-Касталь, 1996. 448 с.
5. Althusser L. On ideology. London, New York: Verso, 2008. 186 p.
6. Thompson J. B. Studies in the Theory of Ideology. Cambridge: Polity Press, 1984. 347 p.